

II.2. Формы и последствия коллаборационизма ОУН с нацистской Германией

Кай Струве

Команда особого назначения «Львов», украинская милиция и т.н. «Дни Петлюры» 25-26 июля 1941-ого года*

Данная статья исследует связь между немецкой полицией безопасности и украинской милицией на примере «Дней Петлюры» 25 и 26 июля 1941 г. во Львове, когда в первые недели после нападения Германии на Советский Союз происходили преследования и убийства евреев.

Погром и массовый расстрел

Утром 30 июня 1941 г. город Львов был оккупирован немецкими войсками. На следующий день, 1 июля 1941 г., начались первые эксцессы и насильственные действия по отношению к евреям на улицах города. Большинство актов насилия произошло, когда евреи были доставлены к трем тюрьмам, чтобы убирать трупы расстрелянных там заключенных из камер, подвалов и массовых захоронений в тюремных дворах. Местные подразделения НКВД в дни перед своим отступлением убили в львовских тюрьмах от 2 до 3,5 тыс. заключенных, в основном, выстрелами в затылок¹.

---

* Ранее опубликовано в журнале *Проблеми історії Голокосту* (2013. Вып. 6).

¹ По советским документам, во львовских тюрьмах, которые подчинялись Львовской тюремной администрации, после 22 июня 1941 г. были убиты 2 464 заключенных. См.: Звіт начальника Тюремного управління НКВС УРСР заступникові Народного комісара внутрішніх справ СРСР і начальникові Тюремного управління НКВС СРСР, 12 липня 1941 // Романів О., Федущак І. Західноукраїнська трагедія 1941. Львів, 2002. С. 368. В это число, правда, были также включены заключенные, убитые в тюрьме Золочева, однако в это число не вошли те заключенные, которых убили в следственном изоляторе НКВД на ул. Лонцкого во Львове. Так как число убитых в Золочеве заключенных было больше, чем число жертв этого советского преступления в тюрьме на ул. Лонцкого, то из этого следует, что число убитых заключенных во Львове составляет приблизительно 2 тыс. человек. По оценкам немцев, после проведения работ по эксгумации во львовских тюрьмах было обнаружено 3,1–3,5 тыс. трупов. См.: Hryciuk G. Polacy we

Действия вермахта обычно заключались в том, что после оккупации населенного пункта евреи в принудительном порядке привлекались к экзгумационным и другим работам. Коменданты вермахта на местах, в основном, поручали это здешней милиции, которая привлекала евреев в качестве рабочей силы. Милиция, по всей вероятности, в Львове получила приказ заставлять евреев выносить трупы. А гражданское население, спонтанно присоединившееся к милиции в этом деле, пригнало гораздо больше евреев, чем необходимо было для уборки тел. Сама работа уже была наказанием, а привлекаемые к ней евреи были предметом насмешек на улицах и в тюрьмах; их избивали, многие были убиты.

Это было частью спонтанно развивающегося процесса, в котором на евреев была возложена ответственность за советские преступления, а с другой стороны – который знаменовал падение советского режима, носителями которого считались евреи². В актах насилия было выражено одновременно чрезвычайное эмоциональное напряжение, которое возникло из антагонизма к советским преступлениям, а также от радости освобождения от советской власти, с чем украинцы связывали надежду на возникновение собственного государства. В актах насилия принимали участие также немецкие военнослужащие и полицейские.

Первого июля, предположительно, во дворе Бригидской тюрьмы членами айнзацгруппы Ц было расстреляно приблизительно 100 евреев³. При этом речь шла, по-видимому, не о запланированных экзекуциях, а о спонтанно происходящих действиях. Не имея точных сведений об общем количестве погибших во время погрома, так как никто не считал трупы, едва ли возможно установить реальное количество жертв. Анализ многочисленных сообщений об актах насилия 1 июля дает возможность говорить о нескольких сотнях жертв как наиболее вероятном масштабе погрома⁴.

Lwowie 1939–1944: *Życie codzienne*. Warszawa, 2000. P. 190. Согласно Романову и Федущак (с. 55-58, 63), количество жертв составляет 4 тыс. человек.

² По погрому 1 июля 1941 г. основными являются следующие статьи: Himka J.-P. The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // *Canadian Slavonic Papers / Revue canadienne des slavistes*. 2011. № 53. P. 209-243; Химка І. Достовірність свідчення: реляція Рузі Вагнер про львівський погром влітку 1941 р. // *Голокост і сучасність*. 2008. № 2(4). С. 43-79.

³ О расстреле во дворе Бригидской тюрьмы см: Heimkes H. Ein Münchner als Gebirgssoldat im Kaukasus und auf dem Balkan. München, 2000 (Selbstverlag). P. 12, 135; Vernehmung Horst Meier // *Bundesarchiv Ludwigsburg (BAL) B 162/1639*. Bl. 115.

⁴ Несколько сотен убитых и несколько тысяч раненых – такую оценку дал Марек Реднер, врач, который лечил раненых после погрома и который, вероятно, имел относительно точное представление о количестве жертв. См.: Redner M. *Żalobne wspomnienia* // *Yad Vashem Archives (YVA) O-3/430*. P. 16. Другие сообщения переживших погром евреев называют приблизительно 2 тыс. жертв, напр.: Gerstenfeld-Maltiel J. *My Private War: One Man's Struggle to Survive the Soviets and the Nazis*. Portland, 1993. P. 54. Он ссылается при этом на более позднюю оценку количества жертв, определенную Еврейским советом. Названные в исследовательской литературе цифры от 4 тыс. и более жертв только лишь при погроме 1 июля завышены. Книга автора по насильственным действиям против евреев летом 1941 г. в г. Львов и других местах Западной Украины: Struve K. *Deutsche Herrschaft, ukrainischer Nationalismus, antijüdische Gewalt: Der Sommer 1941 in der Westukraine*. München, 2015. В ней подробнее исследуется вопрос о числен-

По окончании погрома айнзацгруппа Ц приказала полиции безопасности и СД арестовать с помощью украинской милиции от 2-х до 3-х тыс. мужчин евреев. Среди схваченных были как случайные прохожие, так, очевидно, и задержанные целенаправленно. Арестованные, преимущественно, были доставлены к комиссариатам милиции, а затем к стадиону на улице Пельчинской, который находился около бывшего здания НКВД, где расположилась немецкая полиция безопасности. Большинство арестов состоялось 4 июля, возможно, первые аресты имели место уже 3 июля. Приблизительно 1,4 – 2 тыс. задержанных лиц 5 июля на грузовиках были вывезены в лесную зону под городом и расстреляны исполнительными командами полиции безопасности. Остальных отпустили.

Задержанные евреи на стадионе подвергались насмешкам и жестокому обращению со стороны немецкой полиции и, очевидно, также солдат вермахта. Шеф айнзацгруппы Ц Раш обосновал этот массовый расстрел как «возмездие» за массовое убийство заключенных, совершенное советской властью в тюрьмах⁵. Украинская милиция принимала участие в арестах и, возможно, в транспортировке евреев к местам экзекуции, однако же прямого участия в расстрелах не принимала.

Создание украинской милиции

Создание украинской милиции началось 30 июня 1941 г. в первой половине дня во дворе собора Святого Юра. Ранним утром этого дня сюда прибыла первая рота батальона «Нахтигаль» – украинское подразделение в вермахте, сформированное с помощью ОУН(б). Роман Шухевич, являвшийся украинским командиром батальона, встретил возле собора местного руководителя ОУН г. Львова, который пришел с другими членами подполья ОУН. В течение первой половины дня на площадь возле собора Святого Юра прибыла также группа руководящих активистов ОУН(б) во главе с Ярославом Стецько. Под их руководством началась регистрация членов украинской милиции.

По воспоминаниям Богдана Казанивского, Роман Шухевич назначил (по предложению Казанивского) Омеляна Матлу «временным комендантом города Львов». Казанивский стал его заместителем. Назначение Матлы было «временным», потому что уже был назначен на должность коменданта Евгений Врецьо-

---

ности жертв. См. также на английском языке: idem. Tremors in the Shatter-Zone of Empires: Eastern Galicia in Summer 1941 // *Borderlands: Ethnicity, Identity and Violence in the Shatter-Zone of Empires* / Ed. O. Bartov, E. Weitz. Bloomington, 2013. P. 463-484; Struve K. Rites of Violence? The Pogroms of Summer 1941 // *Polin: Studies in Polish Jewry*. 2011. Vol. 24. P. 257-274.

⁵ Pohl D. *Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944*. München, 1996. P. 68-69. См. также: Weliczker Wells L. *The Janowska Road*. Washington, DC, 1999. P. 46-54 (первая публикация: N.Y., 1963). Подробности этой массовой казни содержатся в: Struve. *Deutsche Herrschaft...*

на, хотя он еще не прибыл из Генерал-губернаторства⁶. Зарегистрированные во дворе милиционеры были распределены по группам и направлены к стратегически важным объектам и местам города. В течение дня они заняли здания комиссариатов в различных районах города⁷.

Омельян Матла и Богдан Казанивский, как и Евгений Врецьона, многие годы были активистами ОУН. Оба пережили жестокие избиения в тюрьмах НКВД в Львове. Казанивский провел в различных тюрьмах около полутора лет, и смог сбежать после ухода советской охраны из Бригидской тюрьмы 28 июня. Вместе с другими беглецами он скрывался в подвалах собора Св. Юра⁸. Омелян Матла уже 24 июня смог сбежать из следственного изолятора, находящегося на ул. Лонцкого. Он был арестован в августе 1940 г.⁹ Оба во время ареста были подвергнуты пыткам.

С немецкой стороны власть находилась в руках коменданта города полковника Винтергерста. Городская комендатура подчинила себе украинскую милицию еще 30 июня и поручала ей, помимо прочего, собирать оружие и радиоприборы¹⁰. Среди поручений, которые она получала, могло быть, как было упомянуто выше, и привлечение евреев к работам по уборке улиц города и выносу тел убитых в тюрьмах. 2 июля полиция безопасности взяла на себя командование милицией. Богдан Казанивский вспоминает, что как-то в кабинете коменданта милиции Матлы появился штурмбаннфюрер СС Отто Кипка и объявил, что теперь милиция подчиняется ему¹¹. Кипка входил в состав СД в Кракове и вошел во Львов 2 июля с подразделением полиции безопасности, в которое входило приблизительно 200–250 человек под командованием начальника полиции безопасности и СД в Генерал-губернаторстве оберфюрера Эберхарда Шонгарта – командой особого назначения «Львов». Первые части айнзацгруппы Ц уже 30 июня 1941 г. прибы-

---

⁶ Казанівський Б. Шляхом Легенди. Спомини. Л., 1975. С. 210-214. О происходящем возле собора Святого Юра в первой половине 30 июня сообщает также Ярослав Стецько. После этого Иван Равлык, который прибыл во Львов вместе со Стецько, руководил формированием милиции (Стецько Я. 30 червня 1941. Торонто, 1967. С. 179-182). Об образовании милиции см. также: Німка. The Lviv Pogrom. P. 227-229.

⁷ Казанівський. Шляхом Легенди. С. 216.

⁸ Там же. С. 203-205.

⁹ Допрос кригсгерихтсратом Мёллером, судьей 17-й армии, Львов, 6 июля 1941 г. // Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA) RW 2/148. Bl. 342-344.

¹⁰ Казанівський. Шляхом Легенди. С. 215; см. также: Unterstaatssekretär Kundt, Rücksprache mit Major Weiner, Ic-Offizier im Rahmen der Heeresgruppe Süd am 9. Juli 1941 // Україна в Другій світовій війні у документах / Сост. В. Косик. Львів, 1997. Т. 1. С. 147.

¹¹ Казанивский сообщает, что его (Кипку) сопровождал один украинец, которого он обозначил инициалами О.Ч. и назвал адъютантом Кипки. При этом речь могла идти об Остапе Чучкевиче, одном из руководителей ОУН(м) из Генерал-губернаторства. Он с начала войны работал на краковскую полицию безопасности. См.: Климишин М. В поході до волі: спомини. Детройт, 1987. Т. 1. С. 317. Относительно подчинения милиции полиции безопасности 2 июля см. интервью с д-ром Байером «Події на західно-українських землях» (Происшествия на западно-украинских землях) в: Краківські вісті. 6 липня 1941. С. 2 (также опублик. в: Українське державотворення: акт 30 червня 1941 / Сост. О. Дзюбан. Львів, 2001. С. 151-153).

ли в город, а до 10 июля части оставили город¹². Зато сотрудники полиции безопасности из Генерал-губернаторства оставались в будущем дистрикте «Галиция» и создавали там структуры полиции безопасности¹³.

Внутри украинской милиции Евгений Врецьона, по крайней мере, формально никогда не был комендантом украинской милиции. «Список работников городского комиссариата украинской милиции во Львове, ул. Казимирская, 30», датированный 7 августа 1941 г., называет его комиссаром городского комиссариата, что значит – его начальником¹⁴. В списке значится, что Евгений Врецьона вступил в милицию 2 июля 1941 г. Эта же дата вступления значится в списке также для Ивана Витушинского, заместителя Евгения Врецьоны. Витушинский также был в течение многих лет членом ОУН. Городская комендатура, которой руководил Матла, находилась в то время на ул. Лозинского, 9, где располагался комиссариат¹⁵. Руководимый Евгением Врецьоной городской комиссариат имел внутри украинской милиции во Львове, очевидно, более высокую позицию и представлял собой высший руководящий состав. В списке личного состава от 7 августа 1941 г. значится, что почти все 25 членов городского комиссариата окончили гимназию и многие, по меньшей мере, учились несколько семестров в высшем учебном заведении. Это подтверждают сообщения, что Евгений Врецьона выполнял в милиции руководящие функции¹⁶. Комендатура милиции под руководством Матлы существовала и далее, хотя нет документов, которые бы позволили узнать, что входило в ее компетенцию и каковы были задачи ее деятельности, в отличие от городского комиссариата.

К городскому комиссариату относился «Следственный отдел украинской милиции», которым руководил Василий Турковский¹⁷. Казанивский обозначил его в своих мемуарах как «политико-следственный отдел». Турковский был одновременно заместителем Мыколы Арсенюка в качестве референта службы безопасности в руководстве ОУН(б)¹⁸. Ярослав Стецько считал Турковского вместе с

---

¹² Донесение о событиях № 19 от 11 июля называет г. Ровно как место дислокации айнзацгруппы Ц. См.: Die «Ereignismeldungen UdSSR» 1941: Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion / Ed. M. Mallmann et al. Darmstadt, 2011. P. 104.

¹³ Pohl. Nationalsozialistische Judenverfolgung. P. 53-54; Schenk D. Der Lemberger Professorenmord und der Holocaust in Ostgalizien. Bonn, 2007. P. 93-100.

¹⁴ Государственный архив Львовской области (далее – ГАЛО), ф. р-12, оп. 1, д. 149, л. 1.

¹⁵ В первые дни городская комендатура размещалась в здании Ордена сестер святейшего сердца Иисуса на площади напротив собора Святого Юра (Казанівський. Шляхом Легенди. С. 214); в дальнейшем – на ул. Лозинского (Там же. С. 241) – под названием «Главная команда украинской милиции во Львове» (ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 150, л. 48).

¹⁶ «Комендантом милиции» назвал Врецьону также сотрудник СД Х.-И. Байер в интервью от 5 июля 1941 г. (Українське державотворення. С. 153).

¹⁷ Список працівників слідчого відділу У.М. // ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 149, л. 3.

¹⁸ Казанівський. Шляхом Легенди. С. 241. О Турковском: Дарованець О., Мороз В., Муравський В. Націоналістичний рух 1920–1930-х років // Мірчук П. Нарис історії ОУН 1920–1939 роки. К., 2007. С. 827.

Иваном Климовым, Львом Ребетом, Мыколой Лебедем и Иваном Равлыком ядром руководства ОУН(б) в первые июльские дни во Львове¹⁹.

В одном из документов, вероятно, также от 7 августа, содержится список личного состава подразделения Турковского из 45 человек²⁰. 14 июля 1941 г. по распоряжению немецкого коменданта Львова милиция была разделена на «городскую милицию», которая должна была находиться в распоряжении комиссарского бургомистра Юрия Полянского, и «милицию по особым заданиям», которая подчинялась команде особого назначения «Львов». Все милиционеры должны были получить удостоверения личности²¹. Считалось ли «милицией по особым заданиям» только подразделение, которым руководил Турковский, или это был весь городской комиссариат под руководством Евгения Врецьоны – этого документы не проясняют. По крайней мере, милицейское удостоверение Василия Турковского было подписано 14 июля 1941 г. штурмбанфюрером СС Отто Кипкой²².

«Дни Петлюры»

После расстрела 5 июля положение евреев поначалу стало немного спокойнее. Однако с 15 июля евреи должны были носить на верхней части правой руки белые повязки со звездой Давида, для них были введены ограничения на посещения магазинов и общественных заведений²³. Рацион на продукты питания для евреев был меньше, чем для остального населения²⁴. Станислав Ружицки уже в середине июля жаловался, что голод среди евреев усиливается потому, что мага-

¹⁹ Стецько. 30 червня 1941. С. 222.

²⁰ Список працівників слідчого відділу У.М. // ГАЛЮ, ф. р-12, оп. 1, д. 149, л. 3.

²¹ Stadtkommandant von Lemberg, 14.07.1941, Kommandantur-Befehl Nr. 3, gez. Russwurm, ВА-МА RH-22/5, Bl. 92.

²² ГАЛЮ, ф. р-12, оп. 1, д. 150. Удостоверение № 35, подписанное Кипкой. Кроме подписи это и другие удостоверения, полученные позже, имеют на обратной стороне круглую печать «Kommandant der ukrainischen Miliz in Lemberg – Комендант української міліції у Львові». Это была должность Матлы. Передняя сторона удостоверения со штампом приведена у: Химка. Достовірність. С. 61. Кроме удостоверения Турковского, такое же удостоверение было у Петра Галушко. Они датированы 14 июля 1941 г. Другие удостоверения, подписанные Кипкой, датировались 21 июля 1941 г.

²³ Feldkommandantur 603, Tätigkeitsbericht der Militärverwaltungsabteilung, Lemberg, 16 Juli 1941 // Российский государственный военный архив (далее – РГВА), ф. 1275, оп. 3, д. 663, л. 7; использована копия из: United States Holocaust Memorial Museum Archive (USHMMA) RG-11.001M.13. К этому же: Archiwum Ringelbluma: Konspiracyjne Archiwum Getta Warszawy. Tom 3: Relacje z Kresów / Ed. A. Żbikowski. Warszawa, 2000. P. 722; Henryk Szyper // Archiwum Żydowskiego Instytutu Historycznego (AŻIH) 301/4654. P. 13; Gerstenfeld-Maltiel. My Private War. P. 56; Zaderecki T. Gdy swastyka Lwowem władała... (Wycinek z dziejów okupacji hitlerowskiej) / Yad Vashem Archives (YVA) O-6/367. P. 45-48 (на иврите опубликовано в Иерусалиме в 1982 г.).

²⁴ Feldkommandantur 603, Tätigkeitsbericht der Militärverwaltungsabteilung, Lemberg, 16 Juli 1941. РГВА, ф. 1275, оп. 3, д. 663, л. 7.

зины для них больше недоступны²⁵. Все евреи привлекались к принудительным работам и для этого, как правило, подвергались арестам на улицах украинской милицией либо насильно уводились из своих квартир. Задержание евреев и надзор за ними во время принудительных работ, в основном, проходили не без побоев и унижений, однако насилие над ними по сравнению с первыми днями оккупации уменьшилось²⁶.

Между 5 и 26 июля все же произошло событие, во время которого было убито большое количество евреев, предположительно 80 мужчин. 12 июля всех мужчин-евреев забрали из нескольких домов на ул. Св. Анны и на ул. Яховица и, по-видимому, в этот же день они были расстреляны полицией безопасности. Основанием этому послужило то, что в ночь с 11 на 12 июля, когда немецкое подразделение маршировало по ул. Св. Анны, якобы раздался выстрел²⁷.

Крупный массовый расстрел состоялся снова в связи с «Днями Петлюры» 25 и 26 июля 1941 г. В некоторых воспоминаниях и научно-исторических работах это событие отражается как продолжение погрома 1 июля. Но события этих дней были более схожи с событиями 4 и 5 июля 1941 г.

Уже в июле 1941 г. понятие «Дни Петлюры», очевидно, распространилось на новый акт насилия. Однако не ясно, откуда это понятие пришло, т.е. неизвестно, стало ли оно распространяться то ли от украинских, то ли от немецких исполнителей, с политико-пропагандистскими намерениями или же возникло спонтанно²⁸. Само название акции представляло ее как месть евреям за убийство Симона Петлюры и поэтому приобретало специфический украинский национальный оттенок. Разумеется, Шалом Шварцбард застрелил Петлюру не 25 июля, а 25 мая 1926 г. Однако 25 июля было ближайшим 25-м числом месяца после падения советской власти в регионе.

Эти события, по всей вероятности, были связаны с посещением 21 июля 1941 г. Львова рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером. О самом посещении ничего не известно, кроме того, что Гиммлер, вероятно, вместе с высшим руководителем

---

²⁵ Nr. 31 (Stanisław Różycki) // *Relacje z Kresów*. P. 552-553; см. также: Gerstenfeld-Maltiel. *My Private War*. P. 57-58; См. также записи инспектора военной администрации в *Rüstungskommando Kiew* Эдвина Грюцнера, 1941–1943 в: *Die deutsche Wirtschaftspolitik in den besetzten sowjetischen Gebieten 1941–1943* / Ed. R.D. Müller. Boppard, 1991. P. 590-591. Грюцнер находился со своим подразделением во Львове между 20 июля и первыми числами августа и наблюдал, как торговцы на крестьянском рынке отказывались продавать продукты евреям.

²⁶ Сообщения о принудительной работе у Weliczker Wells. The Janowska Road. P. 55-61; Gerstenfeld-Maltiel. *My Private War*. P. 57-58; Kahane D. *Lvov Ghetto Diary*. Amherst, 1990. P. 10, на украинском опубликовано: Кахане Д. Щоденник львівського гетто. К., 2003; Zaderecki. *Gdy swastyka Lwowem władała*. P. 14-15, 32-39.

²⁷ Rubinsteinowa N. *Pamiętnik ze Lwowa* // *Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego*. 1967. № 61. P. 90. Несколько иное описание дает Филипп Фридман в: Friedman P. *The Destruction of the Jews of Lwów* // *idem. Roads to Extinction: Essays on the Holocaust*. N.Y., 1980. P. 249. См. также: Jones E. *Żydzi Lwowa w okresie okupacji 1939–1945*. Łódź, 1999. P. 50.

²⁸ Согласно воспоминаниям Яна Роговского, в этот день в городе на украинских флагах висели черные повязки. См.: Rogowski J. *Lwów pod znakiem swastyki. Pamiętnik z lat 1941–1942* // *Biblioteka imienia Ossolińskich we Wrocławiu*, sygn. 16711/II. Bl. 106.

СС и полиции обергруппенфюрером Фридрихом Еккельном встречались в этот день с главнокомандующим войсками оперативного тылового района группы армий «Юг» генералом Карлом фон Роквесом²⁹.

Между тем, есть достаточно подтверждений, что за поездками Гимmlера на Восточный фронт в июле и в августе 1941 г. и его встречами с действующими здесь офицерами СС и полиции следовал рост количества массовых расстрелов евреев в данных областях³⁰. О произошедшем существует ряд сообщений и воспоминаний евреев, которые пережили эти дни в Львове. Особое значение имеют три свидетельства очевидцев, которые были арестованы и случайно избежали массовой экзекуции 26 июля.

Зубного врача Хенрика Балдингера 25 июля забрали украинцы из его квартиры наряду с другими евреями под предлогом перепроверки документов и доставили сначала к комиссариату милиции. Отсюда их переместили в тюрьму на ул. Лонцкого³¹. Когда Х. Балдингер вошел в тюремный двор, там уже были другие евреи. Потом он заметил, как построенных в два ряда евреев избивают украинцы с помощью толстых свежесрезанных палок с такой яростью, что можно было слышать тяжелое дыхание исполнителей. Во дворе лежало много таких палок. Потом эту группу евреев отвели в здание тюрьмы, и процедура повторилась с группой Х. Балдингера. Когда они точно так же в два ряда были построены, к нему приблизился немец и закричал на него: «Коммунист!». На это Балдингер ответил: «Врач». Тогда немец так сильно ударил его палкой по лбу, что расшиб его до крови, и Балдингер упал на землю³².

Избиения продолжались и в здании тюрьмы, куда их перевели со двора. Самого Х. Балдингера отвели на третий этаж. Здесь заключенные вынуждены были часами стоять в тесноте при недостатке воздуха, некоторое время с поднятыми вверх руками. На противоположной стороне коридора стояли женщины.

На следующее утро их под ударами опять повели во двор, где уже были выстроены колонны евреев. Потом офицеры СС приказали евреям из интеллигенции зарегистрироваться соответственно своим профессиям. Два адвоката были подвергнуты особым насмешкам и издевательствам – их запрягли в телегу. Затем всем, кроме врачей и ремесленников, было приказано бросить в кучу у стены

---

²⁹ Befehlshaber rückwärtiges Heeresgebiet Süd, Kriegstagebuch v. 22.6.-31.12.1941, BA- MA RH 22/3. Bl. 64. О пребывании Гимmlера во Львове см. также: Pohl. Nationalsozialistische Judenverfolgung, P. 65; Cüppers M. Wegbereiter der Shoah: Die Waffen-SS, der Kommandostab Reichsführer-SS und die Judenvernichtung 1939-1945. Darmstadt, 2005. P. 137; Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42 / Ed. P. Witte et al. Hamburg, 1999. P. 186.

³⁰ Matthäus J. Controlled Escalation: Himmler's Men in the Summer of 1941 and the Holocaust in the Occupied Soviet Territories // Holocaust and Genocide Studies. 2007. № 2. P. 218-242; О деятельности Гимmlера в летние месяцы 1941 см. также: Longerich P. Heinrich Himmler: Biographie. München, 2008. P. 543-552.

³¹ Henryk Baldinger // AŽIH 301/1801. P. 1. Якоб Герстенфельд-Малтил сообщает также, что его отца во время «Дней Петлюры» вызвали в комиссариат милиции по вопросу паспорта и больше он не вернулся. См.: Gerstenfeld-Maltiel. My Private War. P. 61.

³² Henryk Baldinger. P. 2.

содержимое своих карманов, прежде всего, документы. Врачей, среди них и Х. Балдингера, отвели к воротам, и отпустили домой. Позже от украинца, который его арестовывал, Балдингер узнал, что остальных вывели со двора тюрьмы и расстреляли за пределами города. Во дворе осталось приблизительно 100 человек³³. Он также вспоминал, что на пути домой ему встретились другие группы евреев, которые конвоировались к тюрьме на ул. Лонцкого.

Среди тех, кого доставили в эту тюрьму, был Ян Бадриан. До вступления немецких подразделений во Львов он работал в университете биологом. В своем сообщении, написанном в конце войны на немецком языке, он заявил, что в 3 часа утра его насильно забрали из собственной квартиры украинцы из гражданской милиции (*Zivilmiliz*)³⁴. Также насильно забрали и доставили к комиссариату милиции на ул. Киркова всех мужчин евреев из его дома. Женщин милиционеры не брали. Во дворе комиссариата милиции группа Яна Бадриана встретила евреев, которых арестовали днем ранее. Бадриан узнал, что всю ночь их продержали в подвалах и избивали³⁵. Затем, в 9 часов, большую группу евреев, среди которых был и Ян Бадриан, отконвоировали от комиссариата через город к стадиону и далее – мимо бывшего здания НКВД на улице Пельчинской – к полицейско-тюремному комплексу на ул. Сапеги и ул. Лонцкого³⁶.

Дальше он сообщает: «Когда ворота за нами закрылись, положение мгновенно изменилось. Люди передо мной начали бегать. Я увидел широкоплечего немца с согнутой в полукруг дубинкой в руках. Дубинка выглядела как турецкая сабля. Он бил ею всех входящих. Через какое-то время я смог заметить большое количество немцев и украинцев, каждый с полукруглой дубинкой [...] Они загоняли нас глубже во двор [...] Двор был полон людей: группы [...] людей прижимались к стене. Я заметил также и женские группы, которые толпились у стены. Люди были в постоянном движении. Они бегали от одной стены к другой, из одного

---

³³ Ibid. P. 4. Балдингер считает, что ремесленники не были вывезены. Это может быть его интерпретация рассказа одного украинца. Среди оставшихся был и доцент университета Бадриан. Местом расстрела он называет «пески». В связи с этим посчитали, что это песчаный карьер около села Лисиничи.

³⁴ Ян Бадриан, сообщение от 9 мая 1945 г. (AŽIH 301/4944). Бадриан свой арест датировал 25 июля. Но его дальнейшие описания показывают, что он, очевидно, в определении дня ошибся. Среди тех, кого уже 25 июля доставили к комиссариату на ул. Куркова, был брат Саломона Гольдмана Давид, а также Абрам Шарф, который якобы был убит уже в комиссариате. Его брат также не вернулся (Salomon Goldman, 20. Januar 1946 // AŽIH 301/1864. P. 5). Ян Роговский наблюдал (вероятнее всего, вечером 25 июля), как группа молодых евреев конвоировалась милиционерами к комиссариату милиции на ул. Куркова. См.: Rogowski. Lwów pod znakiem swastyki. P. 195.

³⁶ Бадриан здесь ошибочно говорит о том, что речь шла о «бывшей военной тюрьме», но называет в качестве адреса ул. Сапеги, 1, то есть комплекс зданий, к которому относилась и тюрьма на ул. Лонцкого (Jan Badian // AŽIH 301/4944. P. 1). Бывшая военная тюрьма находилась на ул. Замарстыновской. О прохождении маршем по ул. Пельчинской, которое, очевидно, носило демонстративный характер, вспоминает Иzaak Вейсер, принудительно работавший в здании гестапо и наблюдавший проходящих маршем: «Они проходили три раза по ул. Пельчинской и были потом доставлены в тюрьму на Лонцкого» (Izak Weiser, Juni 1946 // AŽIH 301/1584. P. 1). Возможно, он видел несколько групп, которые проходили по улице.

угла двора к другому. За ними и вокруг них бегали те с дубинками и били [...]. Это были люди, которых арестовали в предыдущий день. Всю ночь их избивали... Я понял, почему дубинки согнуты [...] В середине двора стояла странная группа. Может быть, 10 рядов по 6 человек. Синие от ударов лица, одежда разорвана и в крови. Они держали руки поднятыми вверх и кричали хором: "Мы евреи виноваты в войне!"»³⁷.

Бадиян описывает, как группы евреев во дворе под продолжающимися ударами были погружены в грузовые машины и увезены. Через некоторое время автомобили вернулись пустыми и забрали следующую группу. Я. Бадиян вспоминает, как немцы особенно долго истязали раввина с бородой и пейсами. Правда, когда украинцы хотели применять для избиений железные прутья вместо деревянных дубинок, немцы этому помешали³⁸. Во второй половине дня, в два часа, когда основная часть людей со двора была уже увезена, открыли ворота, и оставшихся выгнали на улицу. Среди них был также Бадиян. Он был единственным из своего дома, кто вернулся. Тех, кого вывезли из тюрьмы, немцы, как, вероятно, позже слышал Бадиян, расстреляли за пределами Львова под селом Лисиничи³⁹.

Мендель Гернер осенью 1944 г. дал показания, что он к «годовщине смерти Петлюры» был задержан на улице милиционерами и доставлен в комиссариат полиции на ул. Академическая. Когда он прибыл, там уже находилось приблизительно 100 евреев. Среди них Гернер встретил знакомого, который сообщил ему, что в помещение согнали приблизительно 60 человек и избили. Чтобы заглушить крики, был включен проигрыватель. Милиционеры объяснили, что евреи убили немецкого офицера, и за это нужно расстрелять тысячу евреев. Гернер, правда, потом не был доставлен в тюрьму на ул. Лонцкого, а вместе со 100 другими людьми был отправлен из комиссариата на работу на железной дороге. Вечером его и других отпустили⁴⁰.

Пережившие все это евреи сообщали, правда, также о других мотивах, которые исполнители истязаний ставили им в упрек. Так, Хенрик Балдингер вспоминает, что когда он вместе с другими евреями стоял в проходе тюремного здания, немец спрашивал, кто распространял листовки против Гитлера⁴¹. По распространившимся по городу в эти дни слухам, якобы жестокое обращение и аресты были

---

³⁷ Jan Badian. P. 1f. Согласно воспоминаниям Лилит Штерн, евреи должны были перед расстрелом за городом кричать: «Мы коммунисты». Вероятно, она знала об этом только из рассказа своего отца, который был арестован, а затем освобожден, таким образом, можно предположить, что в действительности это касалось происходящего в тюремном дворе (Lilith Stern // АЖИИ 301/1181. P. 3).

³⁸ Jan Badian. P. 3.

³⁹ Ibid. P. 4f.

⁴⁰ Показания Менделя Гернера 23.09.1944 г. во Львове (ГАРФ, ф. 7021, оп. 67, д. 77; использована копия из USHMM RG-22.002M, reel 13).

⁴¹ Henryk Baldinger. P. 4.

наказанием за то, что евреи распространяли «ложную пропаганду» о поражении немецких войск под Киевом⁴².

26 июля, очевидно, был день, в который состоялись самые массовые истязания и расстрелы. Изак Вайсер, который выполнял принудительные работы в здании гестапо на ул. Пельчинской, сообщает, что в этот день все 170 служащих там гестаповцев отправились к тюрьме. Другой принудительно работающий, который мог наблюдать происходящее в тюрьме по ул. Лонцкого, сообщил ему, что гестаповцы сильно избивали приводимых в тюрьму евреев. Это началось в первой половине дня, и после обеденного перерыва они продолжили избиение⁴³. Имеются ссылки на то, что аресты и, возможно, расстрелы продолжались 27 и 28 июля⁴⁴. В первую очередь арестам подвергались мужчины. Но Я. Бадиан и Х. Балдингер сообщают, что они видели в тюрьме на ул. Лонцкого также группы женщин. Были ли они расстреляны – неизвестно. По крайней мере, не удалось найти никаких ссылок на то, что их отпустили.

В городе в эти дни вновь господствовали погромные настроения, и это вновь привело к насилию на улицах. Якоб Герстенфельд-Малтиль слышал о трех убийствах в центре города и о том, что на улицах избивают до бессознательного состояния⁴⁵. Янина Хешелис видела лежащего на улице до крови избитого еврея, ботинки которого были украдены⁴⁶. Евреев арестовывали не только в квартирах, а также непосредственно на улицах, чтобы потом доставить в тюрьму на ул. Лонцкого. Якоб Герстенфельд-Малтиль чудом избежал ареста на улице⁴⁷. Из всего этого складывалось впечатление, что против евреев что-то замышлялось. Это

---

⁴² Relacje z Kresów. P. 553. Ружицки привел здесь только слух. Фактически Киев был оккупирован не в середине июля, как немцы ожидали, но лишь в сентябре 1941 г.

⁴³ Izak Weiser, Juni 1946 // AŻIH 301/1584. P. 1.

⁴⁴ Роговский (Rogowski. Lwów pod znakiem swastyki. P. 195) датирует «Дни Петлюры» 25, 26 и 27 июля 1941. Среди тех, кого арестовали 25 и 26 июля, был глава хасидского общества из Бобова Бен-Цион Гальберштам, а также его сын Моше Арон и три его зятя. Возможно, они были расстреляны только 28 июля 1941 г. См.: Eliach Y. Hassidic Tales of the Holocaust. N.Y., 1982. P. 184-185; см. также статью о Бен-Ционе Гальберштаме на Википедии: http://en.wikipedia.org/wiki/Ben_Zion_Halberstam (5 February 2013). Тадеуш Задерецки сообщает, что аресты в эти дни продолжались, и он связывает их с контрибуцией, которая была наложена на львовских евреев 28 июля. См.: Zaderecki. Gdy swastyka Lwowem władała. P. 63, 67-68, 71-72. По другим сообщениям, заложники были арестованы только в начале августа 1941 (см. примечание № 67).

⁴⁵ Gerstenfeld-Maltiel. My Private War. P. 60.

⁴⁶ Она датирует это наблюдение 26 июля, которое по ошибке называет четвергом. Фактически четвергом был день 24 июля 1941 г. Ее мать насильно забрали двое украинских милиционеров, но только для работ по уборке в школе Собеского и после непродолжительного времени отпустили. См.: Heschel J. Mit den Augen eines zwölfjährigen Mädchens // Tagebücher aus dem Ghetto / Ed. J. Heschel. Leipzig, 1961. P. 356 (вначале опубликовано как: Oczyma dwunastoletniej dziewczyny: Pamiętnik Janiny Heschel. Kraków, 1946).

⁴⁷ Gerstenfeld-Maltiel. My Private War. P. 60. См. также: Relacje z Kresów. P. 554. Двенадцатилетний двоюродный брат Янины Хешелес был схвачен на улице 25 июля и доставлен в тюрьму на ул. Лонцкого. Он смог, будучи жестоко избитым, ночью сбежать. См.: Heschel. Mit den Augen eines zwölfjährigen Mädchens. P. 356.

побуждало других к насилию на улицах⁴⁸. То, что евреев группами гнали по улицам города к комиссариатам и тюрьмам, напомнило о событиях, произошедших в первые июльские дни.

Возбужденное настроение, которое в начале июля было одной из причин насильственных действий, снова усилилось. Военно-административный инспектор Эдвин Грюцнер сообщил, что как-то один мужчина, сопровождаемый двумя милиционерами, позвал его и других находящихся рядом немецких солдат на помощь. Он на ломаном немецком и польском языках рассказал им, что где-то евреи высыпали белый порошок из окна на двоих прохожих. Те сразу же упали и попали в госпиталь. Грюцнер с другими последовал за ними к какому-то дому: «Дверь заперта. Нас окружают люди, о которых мы не знаем, враги они нам или нет. Наконец, дверь изнутри открывается. Нас приветствуют много парней дикого вида с дубинками в руках. У некоторых в петлице лента украинца, у некоторых – желто-голубые повязки. В самом темном углу прихожей мы обнаружили жертв. Приблизительно 20 еврейских женщин, девушек, детей и одного старика. Страх и ужас отражались на их лицах, при нашем появлении они усилились. Жителей дома загнали дубинками в угол. Некоторые были в крови». Когда «дико выглядевшие парни» заметили, что немецкие солдаты не на их стороне, а потребовали удостоверения личности и хотели записать их фамилии, они удалились. Квартиры были опустошены и разграблены⁴⁹.

По всей вероятности, массовый расстрел 26 июля был осуществлен айнзацкомандой «Львов», так как айнзацгруппа Ц покинула Львов еще две недели назад. Число жертв можно установить только приблизительно. Некоторые предположения евреев, которые это пережили, очень завышены. Это стало одним из следствий травм, нанесенных насилием «Петлюровских дней» каждому из них. Так, Я. Бадиан полагал, что во дворе тюрьмы было до 10 тыс. евреев⁵⁰. Станислав

---

⁴⁸ Нет убедительных документов о том, что кроме арестов милицией в эти дни произошел новый крупный погром с массовым насилием со стороны штатских и большим числом убитых, как описывает, например, Элияху Ионес. См.: Jones. Żydzi Lwowa w okresie okupacji 1939–1945. P. 52-54. Он подробно изложил еврейский перевод воспоминаний Коппеля Хольцмана, которые касаются, однако, погрома в Бориславе, а не «Дней Петлюры» во Львове. См.: Holzman K. Ziemia bez Boga. Wrocław, 1947. Элемент погрома подчеркивает также Задерецки, который сообщает, что украинская милиция в этот день расстреляла евреев на еврейском кладбище. См.: Zaderecki. Gdy swastyka Lwowem władała. P. 60. Другим местом, куда в этот день привели евреев в большом количестве, он называет склад мельницы Аксельбрада в Жовковском городском районе. Для подтверждения обоих этих сообщений мы не смогли найти других документов. Описание Задерецкого приведено в статье «Дни Петлюры» в: Enzyklopädie des Holocaust. München, 1995. Vol. 2. P. 1108.

⁴⁹ Grützner. Aufzeichnungen. P. 593. Грюцнер не называет точной даты. Благодарственное письмо еврейских жителей дома, которое он цитирует, было датировано 27 июля 1941 г., так что допустимо, что сообщаемые им события происходили 25 или 26 июля (Ibid. P. 594).

⁵⁰ Jan Badian. P. 2.

Ружицки сообщал, что, по слухам, исчезло 15 тыс. человек⁵¹. Фактически количество жертв было, по всей вероятности, между одной и полутора тысячами⁵². Из служебного донесения главнокомандующего полицией безопасности и СД в Кракове Шонгарта следует: «Боевыми подразделениями г. Лемберг в период с 21 по 31 июля 1941 г. было расстреляно 1 726 человек»⁵³. Большая часть этих расстрелов, очевидно, происходила в связи с «Днями Петлюры».

В истязаниях людей в тюрьме на ул. Лонцкого принимали участие не только милиционеры и члены полиции безопасности, но также и немецкие солдаты. Очевидно, полиция безопасности впускала солдат в тюрьму, чтобы они избивали людей. Карл фон Роквес, главнокомандующий оперативного тылового района группы армий «Юг», в своих воспоминаниях о первых месяцах войны утверждал: «Я был очень огорчен еще в последние дни (пребывания в Лемберге), когда мне 26 июля утром комендантом города полковником Притвицем было доложено, что накануне вечером солдаты вермахта участвовали в запланированном украинцами еврейском погроме в тамошней тюрьме, чтобы [...] насладиться истязаниями людей. В связи с этим я отдал распоряжение прибыть во второй половине дня всем комендантам воинских частей во Львове и пригородах и, с позволения сказать, "вздул их хорошо", как я при офицерах раньше никогда не делал. Но это подействовало! Во всяком случае, о подобных делах я никогда больше не слышал»⁵⁴.

Эти события стали поводом для издания Карлом фон Роквесом приказа, в котором он распорядился: «Участие служащих вермахта в эксцессах, которые замышляются определенными слоями гражданского населения, пресечь жесткими мерами. Немецкий солдат, который участвует в еврейских погромах и т.д., самым серьезным образом наносит урон авторитету вермахта и демонстрирует недостойное солдата поведение». Своим приказом Карл фон Роквес в данном случае

---

⁵¹ Relacje z Kresów. P. 553. См. также: Gerstenfeld-Maltiel. My Private War. P. 61 Он называет здесь 18–20 тыс. жертв и ссылается на еврейский совет. Лилит Штерн полагает, что было арестовано 6 тыс. евреев (Lilith Stern. P. 3).

⁵² Рубинштейнова предполагает, что «свыше 2 тыс. евреев в "Дни Петлюры" были убиты». См.: Rubinsteinowa. Pamiętnik ze Lwowa. P. 91. Дитер Поль оценивает количество жертв как «свыше тысячи». См.: Pohl. Nationalsozialistische Judenverfolgung. P. 69. Филипп Фридман называет «по меньшей мере 2 тыс.» жертв. См.: Friedman. The Destruction of the Jews of Lwów. P. 249. Тадеуш Задеречки упоминает о 1,5 тыс. См.: Zaderecki. Gdy swastyka Lwowem władała. P. 63.

⁵³ Mallmann. Die «Ereignismeldungen UdSSR» 1941. P. 231 (EM Nr. 43, 5. August 1941).

⁵⁴ Kriegs-Erinnerungen des Generals der Infanterie Karl von Roques aus der ersten Zeit des Ostfeldzugs 1941, I. Teil, VA-MA N 152/10, Bl. 10. Бывший комендант города фон Притвиц подтверждает в послевоенных показаниях вспышку ярости Роквеса. См.: Hasenclever J. Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion: Die Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete 1941– 1943. Paderborn u.a., 2010. P. 523. Волжский немец, писатель Ханс Хардер, который был переводчиком в Rüstungskommando Kiew, наблюдал, как солдаты участвовали в издевательствах над евреями. Об этом он написал рапорт, который переслали в городскую комендатуру. См.: Grützner. Aufzeichnungen. P. 591.

настоятельно обязал начальников выявить виновников и вынести им «заслуженное наказание»⁵⁵.

Фактически в описании событий предыдущих дней речь шла не о «еврейском погроме, организованном украинцами в качестве сладостного возмездия и расплаты», а также не об «эксцессах, которые замышляются определенными слоями гражданского населения», как это значится в его приказе от 29 июля, хотя эти элементы, несомненно, сыграли определенную роль. Речь шла о событиях, которые произошли по приказу и под контролем львовской полиции безопасности. Тюрма находилась под контролем львовской полиции безопасности. Насильственные действия проводились здесь не гражданским населением, а немецкими служащими полиции и вермахта, а также украинскими милиционерами. Комиссариаты милиции, другие места актов насилия во время «Дней Петлюры», находились под контролем милиции.

Все, что происходило в тюрьме и в комиссариатах, соответствовало воле полиции безопасности и руководства милиции. Если Карл фон Роквес события объяснял неверно, значит он тем самым избегал конфронтации с полицией безопасности, о которой он в обоих документах не упоминает. Полиция безопасности, под контролем которой был вход в тюрьму, предоставила возможность солдатам участвовать в насильственных действиях в тюрьме на ул. Лонцкого. Практически Роквес и позднее поддерживал массовые расстрелы немецкими подразделениями СС и полиции. Для него это был всего лишь вопрос отстранения солдат от выполнения актов насилия, в которых он видел несовместимость с «воинской честью»⁵⁶.

Почему полиция безопасности устраивала перед расстрелом 24-часовые или более долгие оргии избиения – полностью неясно. Очевидно, в этом проявлялась ненависть к евреям, которую сами немецкие полицейские чувствовали в себе. Возможно, дело в том, что вспышка «народного гнева» организовывалась согласно приказу шефа управления безопасности Рейха Райнхарда Гейдриха от 29 июня 1941 г. «Устремление к самоочищению антикоммунистических и антиеврейских слоев», позволявшим действовать такими методами, как «местные народные погромы»⁵⁷. Но так как «народ» здесь, в основном, был представлен украинской милицией, которая выполняла немецкие приказы, а также немецкими полицейскими и солдатами, то ясно, что это фактически было чистой инсценировкой⁵⁸.

---

⁵⁵ Berück/Süd/Is, 29.07.1941, Betr.: Befriedungsmaßnahmen, BA-MA RH 22/5, Bl. 72. См. также: Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München, 2008. P. 245.

⁵⁶ Об отношении Роквеса к массовым убийствам еврейского населения см. подробно: Hasenclever. Wehrmacht und Besatzungspolitik in der Sowjetunion. P. 522-542.

⁵⁷ Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42: Die Tätigkeits- und Lageberichte des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD / Ed. P. Klein. Berlin, 1997. P. 319.

⁵⁸ Согласно сообщению Тадеуша Задерецкого, имелась целенаправленная, правда, не удавшаяся попытка организовать широкое погромное движение. Крестьяне из ближайших сел запаслись

Украинская милиция и ее участие в «Днях Петлюры»

Среди удостоверений личности украинской милиции, которые находятся в Государственном архиве Львовской области, имеется формуляр со следующим двуязычным (немецким и украинским) текстом: «Служащий украинской милиции [внесено рукой: Стечович Михаил] должен проводить по приказу полиции безопасности – айнцакоманда “Львов”, обыски и задержания. Просим все ведомства оказывать ему защиту и помощь. Это удостоверение действительно только от 25 июля 1941 г. 12.00 часов до 29 июля 1941 г. 12.00 часов».

Документ был датирован 25 июля 1941 г. и подписан штурмбаннфюрером СС Кипкой⁵⁹. Очевидно, это экземпляр удостоверения, которое выдавалось украинским милиционерам, участвовавшим в арестах в «Дни Петлюры». Кроме того, сохранялись удостоверения, оформленные между 25 и 29 июля в количестве 13 штук на двух языках как «временные удостоверения» под названием «Украинская милиция города Лемберг», подписанные Евгением Врецьоной в качестве «городского комиссара» со следующим немецким текстом: «Подтверждается, что ... состоит на службе украинской милиции и является сотрудником городского комиссариата»⁶⁰. Были ли эти удостоверения выданы в связи с «Днями Петлюры» – не совсем ясно, но вероятно.

Хотя милиция действовала по приказу немецкой полиции безопасности, она находилась еще в тот период под руководством ОУН(б). В формирование личного состава руководства милиции до тех пор немцы не вмешивались. Только в середине августа 1941 г. немцы преобразовали милицию в украинскую вспомогательную полицию⁶¹, вошедшую в подчинение немецкой полиции порядка («Ордунонгсполицай»), которая при присоединении к Генерал-губернаторству Галиции создала свои собственные структуры. Из письма Владимира Питулея, который возглавлял украинскую вспомогательную полицию позднее описываемых событий, становится ясно, что в полицию было принято 122 бывших сотрудника

алкоголем в комиссариатах. Они стояли якобы потом с дубинками на улицах, но большой инициативы не проявляли, так как евреи из-за слухов об угрожающем погроме на улице не показывались. Только когда милиция пригоняла сюда евреев, они их били. Но из этого большого погром все же не развился. Потом они вместе с представителями городских низших слоев сопровождали милицию во время арестов и грабили квартиры (Zaderecki. Gdy swastyka Lwowem władała. P. 59f). Другие документы, подтверждающие эту версию, не найдены.

⁵⁹ ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 150, л. 11.

⁶⁰ Там же. Л. 12-24. Два других идентичных удостоверения личности были датированы 5 августом (Там же. Л. 31-32).

⁶¹ Роспуск милиции и создание украинской вспомогательной полиции осуществлялись по приказу главнокомандующего полицией порядка в Генерал-губернаторстве от 12 августа 1941, который был направлен начальнику полиции порядка в новом дистрикте Галиция. См.: FINDER G.N., PRUSIN A.V. Collaboration in Eastern Galicia: The Ukrainian Police and the Holocaust // East European Jewish Affairs. 2004. Vol. 34. № 2. P. 104.

украинской милиции⁶². Евгений Врецьона не являлся более членом новой полиции. Омельян Матла же выполнял обязанности «коменданта украинской полиции» еще до начала октября 1941 г. Только к этому времени его заменил Владимир Питулей, бывший офицер польской полиции, который принес с собой профессиональные знания полицейской работы⁶³. Обстоятельства замены О. Матлы не известны, но, несомненно, это было связано с возрастающим немецким давлением на ОУН(б) и многочисленными арестами ее активистов в новообразованном дистрикте «Галиция». Другие, вероятно, неизвестные немцам члены ОУН(б) остались в руководстве украинской полицией и выполняли распоряжения В. Питулея⁶⁴.

Даже после «Акта провозглашения Украинского Государства» 30 июня 1941 г. во Львове и последующего задержания Степана Бандеры и Ярослава Стецька 5 и 10 июля 1941 г. в Берлине, когда отношения между украинскими националистами и немцами испортились, сотрудничество с немецкой полицией безопасности при арестах и жестоким обращении с евреями не противоречило целям руководства ОУН(б). «Бандеровцы» и далее искали точки взаимопонимания с немцами и не отказались от надежды убедить их в том, чтобы те предоставили Украине определенную самостоятельность. Это, очевидно, еще имело силу, когда за несколько дней до 25 июля стало известно о предстоящем присоединении (1 августа 1941 г.) Галиции к Генерал-губернаторству. Одновременно оуновцы стремились создать по возможности сильные местные и региональные украинские административные структуры, в которых они сами имели бы сильное влияние. Одну из сфер практического сотрудничества с немцами они видели, очевидно, в преследовании евреев⁶⁵.

---

⁶² Kommando der Ukr. Polizei in Lemberg an das Kommando der Schutzpolizei, Betr.: Zuschrift des Stadthauptmannes in Lemberg, 13.03.1942, Unterschrift: Pitulej, Major und Kommandant der Ukr. Polizei (ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 84, л. 10). Сотрудники милиции, которые хотели служить во вспомогательной полиции, должны были писать заявление о приеме. См.: Finder, Prusin. *Collaboration in Eastern Galicia*. P. 104-105.

⁶³ Последнее письмо, которое содержится в документах украинской полиции, подписанное Матлой как «Комендантом украинской полиции г. Львов», датировано 7.10.1941. В документах на немецком языке он значится как «Эмиль Матла». Первый документ, в котором Питулей значится на такой же должности, датирован 13.10.1941 (ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 86, л. 7f).

⁶⁴ Казанівський. Шляхом Легенди. С. 264. Казанівський оставался в украинской вспомогательной полиции по меньшей мере до сентября 1941. В списке, состоящем из 410 служащих, датированном 6.09.1941 и подписанном О. Матлой, он значится как старший полицейский в подразделении украинской полиции (ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 77, л. 1об.). В другом списке (без даты) он значится как заместитель руководителя в четвертом комиссариате украинской полиции на ул. Куркова, 23. Руководителем комиссариата был Йоахим Байда (ГАЛО, ф. р-12, оп. 1, д. 66, л. 7).

⁶⁵ Himka. *The Lviv Pogrom of 1941*. P. 234. См. также написанную Стецько в середине июля 1941 г. в Берлине биографию для гестапо, где он изложил основные политические позиции, на основе которых считал возможным дальнейшее сотрудничество: Berkhoff K.C., Carynyk M. *The Organization of Ukrainian Nationalists and Its Attitude toward Germans and Jews: Iaroslav Stets'ko's 1941 Zhyttiepys* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1999. Vol. 23. №№ 3-4. P. 162, 167.

Но их участие в этом имело не только инструментальный характер, а находилось в соответствии со стереотипным представлением о евреях как о ярых сторонниках советского господства, а также соотносилось с целью создать однородное украинское национальное государство. Степан Ленкавский, руководитель центра пропаганды ОУН(б) во Львове, во время заседания по планированию деятельности ОУН(б) в областях советской Украины так закончил дискуссию об отношении к евреям: «Відносно жидів приймемо всі методи, які підуть їм на знищення» («Относительно евреев применяем все методы, которые приведут к их уничтожению»)⁶⁶.

Письмо львовского центра пропаганды от 28 июля, направленное в службу безопасности ОУН(б), подтверждает, что им одобрялись массовые аресты во время «Дней Петлюры» украинской милицией, и он хотел предотвратить уклонение евреев от задержания, хотя знал, что целью ареста был расстрел евреев. В том письме сообщалось: «Нас повідомляє о. протоієрей Табінський про слідує: Наша міліція переводить тепер враз з німецькими органами численні арештування жидів. Перед ліквідацією жиди бороняться всім середниками, в першу чергу грішми. Згідно з вістками, які мав о. протоієрей Табінський, серед наших міліцентів мають бути люди, які за гроші чи золото звільняють жидів, які мають бути арештовані. Ми, на жаль, в тій справі не одержали жодних конкретних даних, все ж таки подаємо Вам повище до відома до використання» («Нас информирует о. протоієрей Табинский про следующее: наша милиция проводит теперь вместе с немецкими органами многочисленные аресты евреев. От ликвидации евреи защищаются всеми способами, в первую очередь деньгами. Согласно с известиями, которых имел о. протоієрей Табинский, среди наших милиционеров должны быть люди, которые за деньги или золото освобождают евреев, которые должны быть арестованы. Мы, к сожалению, в этом деле не получили никаких конкретных данных, [но] все же подаем Вам вышеизложенное к сведению для использования»)⁶⁷.

Непосредственно после окончания «Дней Петлюры» 28 июля 1941 г. немецкий городской комендант наложил контрибуцию на юденрат в размере 20 млн рублей, которые евреи Львова должны были доставить двумя взносами 2 и 6 августа. В противном случае немцы пригрозили им «строжайшими репрессиями». Чтобы требование выглядело убедительно, полиция безопасности взяла в заложники 5 и 6 августа, когда юденрат еще был не в состоянии заплатить полную сумму, по

⁶⁶ Українське державотворення. С. 190. Этот документ неоднократно интерпретировался как протокол совещаний созданного в первые июльские дни 1941 г. ОУН(б) Совета сеньоров под председательством К. Левицкого. Но, очевидно, это ошибочно. Фактически речь шла об одном заседании по планированию политической стратегии и пропагандистской деятельности ОУН(б) в украинских областях восточнее Збруча, которым руководил Степан Ленкавский; Кость Левицкий в этом участия не принимал.

⁶⁷ Головний осередок пропаганди ОУН до Служби Безпеки ОУН, Львів, 28 липня 1941 // ОУН в 1941 році: Документи. Ч. 2 / Упоряд.: О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук. К., 2006. С. 389.

меньшей мере тысячу евреев. Заложники также не вернулись назад. Преимущественно речь шла об интеллигенции, которая, по-видимому, была арестована по именному списку. Украинская милиция и в этом случае осуществляла аресты⁶⁸.

В общей сложности украинская милиция во Львове, руководимая членами ОУН(б), демонстрировала полное сотрудничество в немецкой программе убийства евреев. Насильственные действия погрома 1 июля носили еще в значительной степени спонтанный характер, и при задержаниях перед массовым расстрелом 5 июля 1941 г., возможно, представляется, что руководство ОУН(б) и милиция не знали точно, что большинство задержанных будет расстреляно. Но если тогда это для них и было неожиданностью, то при арестах во время «Дней Петлюры» непонимания больше не оставалось. Для ОУН(б) массовое убийство евреев явно не служило основанием для прекращения сотрудничества с немецкой полицией безопасности.

Перевод с немецкого Г. Забабуриной

---

⁶⁸ Friedman. The Destruction of the Jews of Lwów. P. 249; Pohl. Nationalsozialistische Judenverfolgung. P. 65; см. также документы в «Teki Lwowskiej» (Dokumenty i materiały o martyrologii Żydów lwowskich w pierwszych miesiącach hitlerowskiej okupacji) // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. 1980. №№ 2-3(114–115). P. 139-141, а также: Gerstenfeld-Maltiel. My Private War. P. 62-64; Gold, АЖИИ 229/53. По данным Тадеуша Задерецкого, уже во время «Дней Петлюры» часть схваченных евреев была оставлена в заложниках: Zaderecki. Gdy swastyka Lwowem władała. P. 62-63.